

5. Чуковский К.И. О Чехове: Человек и мастер. М.: Детская литература, 1971. 206 с.
6. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М.: Наука, 1977. Т. 5. 679 с.
7. Чехов А.П. Остров Сахалин (из путевых заметок) / предисл. И.А. Цупенковой. Южно-Сахалинск: Сахалинское книж. изд-во, 2005. 339 с.
8. Чехов А.П. Письмо Суворину А.С., 9 марта 1890 г. Москва // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М.: Наука, 1975. Т. 4. С. 31–34.

A.P. CHEKHOV AND THE «PLACE OF UNBEARABLE SUFFERING»

О.М. Krizhovetskaya

Tver State Technical University, Tver

Abstract. The article is devoted to the journey of A.P. Chekhov to the island of Sakhalin in order to study and describe in detail the place of hard labor as an integral part of the life of Tsarist Russia. There is a special perception by Chekhov of his mission as a citizen, ascetic and humanist.

Keywords: A.P. Chekhov, Sakhalin Island, humanism, asceticism, Russian literature, essay prose.

Об авторе:

КРИЖОВЕЦКАЯ Оксана Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Тверской государственный технический университет, Тверь, Россия; e-mail: krizhok@mail.ru

About the author:

KRIZHOVETSKAYA Oksana Mihailovna – candidate of philological sciences, associate professor of the department of Russian language, Tver State Technical University, Tver, Russia; e-mail: krizhok@mail.ru

УДК 930.1; 1(091)

И. БЕРЛИН: ФИЛОСОФИЯ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

В.П. Потамская^{1,2}

¹ Тверской государственный технический университет, г. Тверь

² Тверской государственный медицинский университет, г. Тверь

© Потамская В.П., 2023

DOI: 10.46573/2409-1391-2023-2-9-15

Аннотация. В статье рассматриваются ранние философские воззрения И. Берлина – одного из наиболее известных представителей интеллектуальной истории и политической теории. Указывается, что задача философии, с позиции теоретика, заключается в исследовании и переоценке обоснованности моральных идеалов, изучении категорий, посредством которых человек смотрит на реальность, а

интеллектуальная история направлена на достижение самопонимания, того, что Берлин именуется высшей потребностью человека, позволяющей выявить и охарактеризовать модели человеческой природы и общества.

Ключевые слова: интеллектуальная история, идея, предмет философии, плюрализм.

Исайя Берлин (1909–1997) известен в основном как историк идей, обладающий удивительной способностью проникать в умы философов прошлого и представлять яркие картины их видения мира. Его наиболее известные труды посвящены интеллектуальной истории свободы – одного из фундаментальных концептов западной цивилизации – и являются наиболее читаемыми и обсуждаемыми [6], несмотря на то, что были сосредоточены на изучении философии, теории познания и теории значения, разрабатываемых в Оксфорде в конце 1930-х годов [7, р. XIII].

Интерес Берлина к философской проблематике был инспирирован посещением занятий по философии в Оксфорде, работами философов Венской школы, Б. Рассела, Р. Карнапа, Л. Витгенштейна и М. Шлика [1]. Значительное влияние на формирование историко-философских взглядов оказал Р.Дж. Коллингвуд – единственный из оксфордских мыслителей того времени, практиковавший исторический подход к философским проблемам [2, с. 96]. В определенном смысле Берлина можно считать наследником англо-американской аналитической традиции, которая, согласно толкованию Б. Уильямса, представляет собой определенный стиль мышления, характеризующийся последовательной аргументацией и относительно ясным языком [3, с. 171].

В 1944 году Берлин перешел от изучения философии к исследованию истории идей по следующей причине: он был убежден в том, что не сможет внести значительный вклад в развитие философии: «Лучше всего ответ на этот вопрос даст запись моего разговора с покойным профессором Х.М. Шеффером из Гарварда, с которым я познакомился в конце войны, когда работал в британском посольстве в Вашингтоне. Шеффер, один из самых выдающихся математических логиков своего времени, сказал мне, что, по его мнению, существуют только две философские дисциплины, в которых можно надеяться на прирост постоянных знаний: одной из них является логика, в которой новые открытия и приемы вытесняют старые...; другой – психология, которую он считал в некоторых отношениях все еще философской – эмпирическое исследование, способное к устойчивому развитию... Далее он сказал, что философия была чудесной областью мысли, но ей, по его мнению, не помог, а даже нанес серьезный вред логический позитивизм... то, чем были заняты «Camap and Co» (как он их называл) оттолкнуло его и разрушило бы настоящую философию, как ее понимали он и его учитель» [8]. Хотя Берлин не был согласен с обвинительным заключением Шеффера и однозначной негативной оценкой логического позитивизма, слова последнего произвели на него глубокое впечатление [5, р. XI–XII]. Окончательно решение было принято во время трансатлантического перелета в Лондон. Именно тогда Берлин начал рассматривать чистую философию как область, схожую с критикой или поэзией, в которых было бы невозможно пополнить запас «положительных человеческих знаний», и пришел к выводу, что должен сосредоточить свои усилия в области истории идей и политической теории [8]. Тем не менее представляется актуальным проанализировать ранние философские работы мыслителя, которые во многом оказали влияние на дальнейшее развитие методологии интеллектуальной истории.

Основополагающей работой Берлина по философии является сборник эссе «Концепты и категории». Некоторые из них были написаны во время преподавания Берлина в Оксфорде, поэтому, по его словам, они «слишком принадлежали своему месту и времени» и находились в общем русле обсуждений позитивизма, которые велись в то время [5, p. 11]. В трудах «Цель философии» и «Существует ли политическая теория?» Берлин указывал, что перед ним стоит большая задача по изложению, возможно, более в духе Коллингвуда, нежели какого-либо аналитического философа, различных моделей или предпосылок, которые люди привнесли в свой опыт и которые действительно способствовали формированию этого опыта. Подобное понимание подразумевает под собой следующее: если история этих различных моделей даст правильное представление формирования человеческого опыта в разных эпохах и культурах, то возникают закономерные вопросы об объективности того, что считается знанием в конкретное время и конкретном месте. Данные вопросы не являются новыми, а лингвистическая философия мало что могла сказать о проблемах такого рода, поэтому единственное, что придает неопозитивистский флер ранним философским трудам Берлина, – это описание науки, подразумевающее разделение вопросов на те, на которые можно определенно ответить, и на те, на которые нет ответа; первые, в свою очередь, делятся на эмпирические и формальные [5, p. XV–XVI].

Один из основополагающих вопросов, интересовавших Берлина на раннем этапе его творчества, – это вопрос о предмете и цели философии. Для Берлина очевидно, что предметы или области исследования определяются классом вопросов, на которые они должны дать ответы. Теоретик выделял два таких возможных класса. Первый подразумевает ответы, либо полученные в ходе эмпирических процедур, либо упорядоченные посредством наблюдения, эксперимента, методологии естественных наук. Второй класс вопросов содержится в формальных дисциплинах, например в математике, грамматике, геральдике, и определяется в терминах фиксированных аксиом и правил дедукции [5, p. 1–2]. Каждый из этих основных типов вопросов – эмпирический и формальный – специфичен и характеризуется собственными приемами, поэтому, если кто-нибудь полагает, что ответы на математические задачи можно получить, созерцая зеленые поля и поведение пчел, или что ответы на эмпирические задачи формулируются в ходе чистых расчетов, избавленных от фактического содержания, то он совершает значительную ошибку. История систематической человеческой мысли, согласно Берлину, по большей части представляет собой непрерывную попытку сформулировать все вопросы, возникающие перед человечеством, таким образом, чтобы ответы на них попадали в одну из двух больших «корзин»: эмпирические, то есть вопросы, ответы на которые обуславливаются конечными данными наблюдений, и формальные, то есть вопросы, ответы на которые зависят от чистого расчета, свободного от фактических знаний. В то же время подобная дихотомия, согласно Берлину, является упрощением: эмпирические и формальные элементы не так легко отделить друг от друга.

Существуют вопросы, которые не укладываются в подобную классификацию, например «что такое время?», «что такое число?», «какова цель человеческой жизни на земле?». Более того, многие из тех, кто достаточно долго и напряженно размышляет над вопросами типа «что такое время?», «может ли время остановиться?», «откуда мне знать, что другие люди (или материальные объекты) не просто плод моего собственного разума?», разочаровываются во время поиска ответов. На вопрос «что обозначает будущее время?» могут ответить грамматики, механически применяя формальные правила, но при ответе на вопрос «что означает будущее?» возникают значительные трудности [5, p. 2–3].

Стало быть, согласно Берлину, помимо двух первоначальных «корзин» – эмпирической и формальной, есть по крайней мере одна промежуточная с вопросами, которые нелегко классифицировать. Данные вопросы разнообразны по характеру: они могут быть как «вопросами фактов», так и вопросами ценностей, то есть некоторые касаются слов или символов, ряд вопросов затрагивает отношения между различными областями знаний (одни имеют дело с предпосылками мышления, другие – с природой и целями моральных, социальных или политических действий). Единственной общей чертой, которой, по-видимому, обладают все эти вопросы, является то, что на них нельзя ответить ни с помощью наблюдения, ни с помощью расчета, ни индуктивными, ни дедуктивными методами; и, как важнейшее следствие этого, те, кто их задают, с самого начала сталкиваются с проблемой: они не знают, где искать ответы, так как не существует ни словарей, ни энциклопедий, ни сборников, ни экспертов, на которых можно было бы с уверенностью ссылаться как на обладающих несомненным авторитетом в этих вопросах или абсолютно верными по этим поводам.

Берлин рассматривал историю человеческого знания как последовательную попытку переместить все вопросы в одну из двух «жизнеспособных» категорий, поскольку как только загадочный, странный вопрос может быть переделан или трансформирован в вопрос, который можно трактовать с помощью эмпирической или формальной дисциплины, он перестает быть философским и становится частью признанной науки. К примеру, считать астрономию в раннем Средневековье «философской дисциплиной» не ошибка: пока ответы на вопросы о звездах и планетах не определялись наблюдениями, экспериментами и расчетами, а преобладали неэмпирические представления о совершенных телах, которым предопределено двигаться по кругу в силу своих целей или же их внутренней сущности, было неясно, какую роль должно играть наблюдение за небесными телами, а какие роли отведены теологическим или метафизическим утверждениям (последние нельзя было проверить ни эмпирическими, ни формальными средствами). Только тогда, когда вопросы астрономии были сформулированы таким образом, что ответы могли быть обнаружены посредством использования наблюдения и эксперимента, а результаты объединены в четкую структуру, связность которой проверялась чисто логическими или математическими средствами, возникла современная астрономическая наука [5, p. 4].

Независимо от того, сколько вопросов может быть преобразовано таким образом, чтобы их можно было рассматривать как эмпирические или формальные, число вопросов, которые кажутся неподходящими для подобной обработки, не уменьшается, что достаточно негативно оценивалось, допустим, философами эпохи Просвещения, убежденными, что все подлинные вопросы могут быть решены с помощью методов, полученных в результате триумфа естественной науки в XVII – начале XVIII вв. [5, p. 5–6]. Просвещенческая программа, согласно Берлину, основывалась на убеждении, что только научные знания, разум могут спасти человека: необходимо обнаружить, что представляет собой человек, что нужно для его роста и развития, и затем удовлетворить потребности людей, достигнуть таким образом если не полного совершенства, то гораздо более счастливого и рационального порядка вещей. Подобная программа была обречена на провал, причины которого были изложены И. Кантом – первым мыслителем, который разграничил данные опыта, вещи, лица, события, качества, отношения, которые мы наблюдали, выводили или о которых думали, и категории, в терминах которых человек ощущал и воспринимал, представлял и размышлял (независимо от религиозных или метафизических рамок, принадлежащих разным эпохам и цивилизациям). Кант полагал, что категории, через которые мы видим

мир, одинаковы для всех чувствующих существ, постоянны и неизменны: именно это сделало наш мир единым, а коммуникацию возможной.

Тем не менее, с точки зрения Берлина, некоторые из тех, кто размышлял об истории, морали, эстетике, действительно видели перемены и различия не столько в эмпирическом содержании, сколько в базовых моделях восприятия и представления [5, р. 7–8]. Взгляды людей друг на друга будут различаться из-за их представления о мире: понятия причины и цели, добра и зла, свободы и рабства, вещей и людей, прав, обязанностей, законов, справедливости, истины, лжи непосредственно обусловлены общими рамками, в пределах которых они образуют узловые точки. Таким образом, элементы плюрализма, определившего в дальнейшем методологические ориентации Берлина, возникали уже на ранних этапах творчества этого мыслителя. Ценностный плюрализм, отстаиваемый Берлином и в дальнейшем формулируемый на основе философии Дж. Вико и И. Гердера, можно свести к следующим тезисам: существуют множественные человеческие ценности и цели; ценности и цели носят объективный характер; они несоизмеримы и несводимы друг к другу; конфликт – основной способ реализации их взаимоотношений.

Философия, согласно Берлину, не является эмпирическим исследованием, равно как и своего рода формальной дедукцией по типу математики или логики. Предметом философии выступают не элементы опыта, а способы их рассмотрения, постоянные или относительно постоянные категории, в терминах которых он мыслится и классифицируется. Различные модели и категории, например механическая причинность, органистические представления, системность, единство, пространственно-временной порядок, вневременное бытие, долг, ценность, с сопутствующими им неясностями и сложностями возникают в разное время. Некоторые из них так же стары, как и сам человеческий опыт; другие являются преходящими. Так, в политической теории люди всегда стремились осознать свое социальное существование по аналогии с различными моделями: Платон (возможно, ориентируясь на Пифагора) пытался сформулировать систему человеческой природы, ее атрибутов и целей, следуя геометрической схеме. Затем последовала биологическая модель Аристотеля. Существует и множество христианских образов, которыми изобилуют писания Отцов Церкви, а также Ветхий и Новый Заветы; представление о государстве как аналоге семьи, механическая модель Гоббса; ночной сторож, предотвращающий столкновения и присматривающий за сохранностью имущества, как метафора государства, лежащая в основе большей части индивидуалистических и либеральных концепций; милитаристские идеи с их акцентом на такие добродетели, как верность, самоотверженность, повиновение, необходимые для того, чтобы сокрушить врага; системы, заимствованные из психологии или из теорий игр. Все, перечисленное выше, – это модели, в терминах которых люди, группы, общества и культуры осмысливают свой опыт [5, р. 8–9]. Иными словами, человек всегда стремится описать и объяснить Вселенную прежде всего себе. Категории, которые используются при этом, оказывают глубокое воздействие на жизнь, поскольку большая часть страданий и разочарований происходит из-за механического или бессознательного, а также преднамеренного применения данных моделей там, где они не работают. «Если есть какая-то надежда на рациональный порядок на земле или на справедливый подход к многим разнообразным интересам, разделяющим различные группы людей..., она основывается на выявлении этих моделей, социальных, моральных, политических, лежащих в их основе метафизических паттернов, в которых они укоренены, с целью проверки степени их адекватности своим целям» [5, р. 10].

Таким образом, Берлин сводит основные задачи философии к следующему. Во-первых, обнаружение скрытых категорий и моделей, в терминах которых мыслит человек; во-вторых, установление элементов, которые являются неясными или противоречивыми, демонстрация конфликтов, препятствующих построению более адекватных способов организации, описания и объяснения опыта; в-третьих, рассмотрение природы самой деятельности (например, в границах гносеологии, философской логики, лингвистического анализа) и выявление скрытых моделей, действующих в философии: «Цель философии всегда одна и та же: помочь людям понять самих себя и, таким образом, действовать открыто и ясно, а не в темноте» [5, p. 10–11].

Представление Берлина о философии характеризуется некоторым фатализмом, поскольку на вопросы, озвученные в ходе исследования, невозможно получить однозначные и окончательные ответы. Основная цель философских штудий состоит в том, чтобы оценить и преобразовать наши способы мышления и действия, категории, понятия, сделав их менее внутренне противоречивыми, но при этом следует помнить, что эти штудии никогда не завершатся. В дальнейшем Берлин переключился с непосредственного философского анализа на рассмотрение различных категорий, моделей, а также идей в рамках политической теории и интеллектуальной истории. Первую он считал, по сути, философской (ее невозможно свести к вопросам формального или эмпирического характера, аналогичным математическим или физическим), вторую понимал как историю изменения и смены моделей человеческого развития; моделей, в понятиях которых осмысливалось прошлое; тех художественных, богословских, механических, биологических или психологических конструкций, которые отражаются в области исследования, в постановке новых вопросов и использовании новых методик для ответа на вопросы, кажущиеся более интересными или существенными, чем те, что уже отжили свое. Мысль Берлина на протяжении всего его творчества затрагивала теоретические области философского исследования, такие как метафизика (проблема свободы воли), эпистемология (скептицизм по поводу предполагаемого знания будущего) и философия языка (сущность значения и верификации). Теоретика волновало то, каким образом можно примирить идею постоянных, стабильных человеческих ценностей с их очевидной историчностью и изменчивостью в рамках разных культур и у индивидов.

Библиографический список

1. Берлин И. Мой интеллектуальный путь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2001_4/06.htm (дата обращения: 07.10.2022).
2. Грановская О.Л. Исая Берлин: политическая философия с русскими корнями // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2015. Т. 16. Вып. 2. С. 93–105.
3. Паньковский А. Агональный либерализм Исая Берлина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/39/11.pdf> (дата обращения: 07.10.2022).
4. Потамская В.П. Интеллектуальная история И. Берлина: трактовка ценностного плюрализма // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2021. № 2 (56). С. 234–245.
5. Berlin I. Concepts and Categories. Richmond: Hogarth Press, 1978. 202 p.
6. Berlin I. The Crooked Timber of Humanity: Chapters in the History of Ideas. Princeton: Princeton University Press, 2013. 384 p.

7. Bernard W. Introduction // Concepts and Categories. Richmond: Hogarth Press, 1978. P. XIII–XX.
8. Gray J. Isaiah Berlin. Princeton: Princeton University Press, 1997. 183 p.

I. BERLIN: PHILOSOPHY AND INTELLECTUAL HISTORY

V.P. Potamskaya^{1,2}

¹Tver State Technical University, Tver

²Tver State Medical University, Tver

Abstract. *The article deals with I. Berlin's early philosophical views who was one of the most famous representatives of intellectual history and political theory. It is pointed out that the task of philosophy is to study and reassess the validity of moral ideals, to study the categories through which a person looks at reality, and intellectual history is aimed at achieving self-understanding, what Berlin calls the highest human need, allowing to identify and characterize models of human nature and society*

Keywords: *intellectual history, idea, subject of philosophy, pluralism.*

Об авторе:

ПОТАМСКАЯ Вера Павловна – кандидат философских наук, доцент кафедры психологии, истории и философии, Тверской государственный технический университет, доцент кафедры философии и психологии с курсами биоэтики и истории Отечества, Тверской государственный медицинский университет, Тверь, Россия; e-mail: potamskaya.v@yandex.ru

About the author:

POTAMSKAYA Vera Pavlovna – Ph D, associate professor of the department of psychology, history and philosophy, Tver State Technical University, associate professor of the department of philosophy and psychology with courses of bioethics and history of the Fatherland, Tver State Medical University, Tver, Russia; e-mail: potamskaya.v@yandex.ru

УДК 930.1; 1(091)

К. СКИННЕР: ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И ЕЕ МЕТОД

В.П. Потамская^{1,2}

¹Тверской государственный технический университет, г. Тверь

²Тверской государственный медицинский университет, г. Тверь

© Потамская В.П., 2023

DOI: 10.46573/2409-1391-2023-2-15-20

Аннотация. *В статье рассматриваются представления К. Скиннера – одного из самых известных представителей интеллектуальной истории Кембриджской школы. Контекстуализм Скиннера выражается в представлении, что тексты могут быть правильно поняты и истолкованы только при помещении их в соответствующий интеллектуальный контекст, который, в свою очередь, может*